

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. В. Чеснов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В АГРОЭТНОГРАФИИ

В центре дискуссии по агроэтнографии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография», оказалась проблема этнической специфики в различных явлениях культуры, связанных с материальным производством. В обсуждении выделились две основные темы: 1) орудия обработки почвы и 2) сельскохозяйственные культуры. Материал по этим темам широко использовался уже в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, открывшей дискуссию¹.

Многие положения статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова нашли поддержку даже среди их оппонентов. Но большинство участников дискуссии отрицательно отнеслось к попытке этих авторов обосновать отсутствие какой бы то ни было этнической традиции в сфере сельскохозяйственного производства. В своей статье Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков пытались построить определенную концепцию. Их оппоненты, к сожалению, критиковали не всю систему взглядов этих авторов, противопоставляя ей свою собственную, а стремились показать несоответствие отдельных выводов Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова отдельным фактам. Между тем известно, что спорность некоторых конкретных фактов не всегда может разрушить построенную на большом материале гипотезу: для ее опровержения требуется выдвижение самостоятельной концепции. Предлагая свое понимание дискутируемых проблем, мы сосредоточимся на узловом вопросе — почему вообще возможна этническая специфика в области материальной культуры, в частности в земледельческих орудиях труда. С этой стороны огромный интерес для нас представляет ленинское учение о социально-экономических укладах.

В предреволюционной и первые годы в послереволюционной России большинство производителей вело мелкое товарное хозяйство, которое В. И. Ленин определил как мелкотоварный мелкобуржуазный уклад². Этот уклад был представлен как в земледелии, так и в мелкой крестьянской промышленности, часто именуемой в этнографии «народными промыслами»³. В. И. Ленин в ряде работ, и прежде всего в «Развитии капитализма в России», показал, что судьба мелких производителей в земледелии и в различных промыслах (плотником, столярном, бондарном, слесарном, гончарном и т. д.) в условиях капитализма определялась господствующими укладами. Специфическую черту мелконатурального и мелкотоварного укладов, отличающую их от всех других, В. И. Ленин видел в единении средств производства с рабочей силой.

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 157, 158, 207, 220—233; т. 45, стр. 279—280.

³ С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 48—50

Эта особенность, по В. И. Ленину, свойственна всем мелким крестьянским производителям на огромном историческом пути от раннего феодализма с его типичной фигурой парцелльного крестьянина до эпохи капиталистического отчуждения его земельной собственности⁴.

Независимо от господствующих общественных условий, мелконатуральные и мелкотоварные производители остаются собственниками средств производства. Очень часто крестьяне сами создают свои земледельческие или ремесленные орудия труда. Для этнографического изучения материальной культуры это имеет огромное значение. Различная роль средств производства, прежде всего орудий труда, в мелконатуральном и мелкотоварном хозяйствах, с одной стороны, и в крупном капиталистическом производстве, с другой, убедительно вскрывает, на наш взгляд, социальные условия появления этнической специфики в крестьянских орудиях труда.

К. Маркс, говоря об условиях, в которых осуществляется труд, писал: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни... и естественное богатство средствами труда... На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»⁵. Эта же закономерность для капитализма была отмечена В. И. Лениным.

Для капитализма характерно, что средства производства, прежде всего орудия труда, становятся чрезвычайно дорогостоящими, тогда как затраты на воспроизводство рабочей силы сравнительно малы. Причем с развитием капитализма, особенно с переходом его в монополистическую стадию, такой разрыв все больше увеличивается. Во всей системе производства, включающей постоянный оборотный капитал, а также фонд заработной платы, доля последнего сокращается. В докапиталистические эпохи наблюдается обратная картина: в связи с простотой орудий труда большее значение имеет воспроизводство рабочей силы, работников с их сложными навыками пользования простыми орудиями во всех качественно разнообразных сферах сельскохозяйственного труда. Обратим внимание на то, что в эти эпохи работник относится к орудиям труда, по словам К. Маркса, как к средству индивидуального труда. «Искусство сделать орудие действительно своим, овладеть им как средством труда выступает как особая сноровка рабочего, делающая его собственником орудия». В классовом докапиталистическом обществе «сами рабочие, сами живые носители способности к труду еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и в качестве таковых присваиваются»⁶.

К. Маркс подчеркивал, что разрыв между трудящимися и естественными условиями их существования происходит лишь в капиталистическом обществе в виде отделения средств труда от трудящихся. «В отношениях рабства и крепостной зависимости этого разрыва нет». «Рабство и крепостная зависимость являются... лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Особенность производства в докапиталистические эпохи состоит, как мы видели, не в создании стоимости, а прежде всего в воспроизводстве рабочей силы. Целью этого труда является не создание стоимости, а обеспечение существования отдельного собственника и его семьи, а также и всей общины»⁷. С другой стороны, принадлежность к этнической племенной общности, по мысли К. Маркса, служит предпосылкой пользования объектив-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 219; т. 3, стр. 165, 170, 357.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 521; В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 60.

⁶ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 34, 32.

⁷ Там же, стр. 22, 26.

лыми условиями жизни, прежде всего землей. К. Маркс в «Капитале» показал, что эпохи преобладания личных связей имеют противоположность в вещных связях, развивающихся при капитализме, где люди выступают как товаровладельцы. Эти личные связи характерны для отношений родства, общинных связей и отношений прямой зависимости человека от человека (т. е. для рабовладения и феодализма). Специфика докапиталистического труда нашла свое отражение и в формах общинной кооперации. «Та форма кооперации в процессе труда, которую мы находим на начальных ступенях человеческой культуры, например, у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общей собственности на условия производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум еще столь же крепко привязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической»⁸. В этих словах К. Маркса заключена мысль о детерминировании процесса труда в докапиталистические эпохи не только социальными отношениями в производстве, но и вхождением работника в устойчивый коллектив, который является не чем иным, как этнической общностью. Заметим, что вся аргументация и примеры, взятые К. Марксом, касаются именно земледельческого производства. Собственно та же картина развертывается и в скотоводческих обществах. Относительно же ремесленного производства в докапиталистические классические формации, например цеховой организации труда при феодализме, в советской науке давно обоснована и широко принята точка зрения о подчинении ремесла господствующим земельными отношениями.

Неразвитость орудий, их простота, универсальность их использования на разных работах, требуя непосредственного воздействия работника на орудие, поднимают значение его индивидуального мастерства. Такова характернейшая черта производственного процесса в докапиталистические эпохи. В. И. Ленин показал, что это правило продолжает действовать и там, где в условиях утвердившегося капитализма сохраняется мелкое товарное производство либо в земледелии, либо в крестьянской промышленности (промыслах). «При ручной первобытной технике различия между отдельными работниками (по силе, ловкости, искусству и пр.) всегда бывают очень велики...», — писал В. И. Ленин⁹. В докапиталистические эпохи сельскохозяйственный труд внутри всей отрасли оставался недифференцированным. Мы имеем здесь в виду, что каждый отдельный работник, как правило, обладал всей суммой умений данного производственного коллектива. Крестьянин был не только землепашцем, но умел также охотиться, ловить рыбу, изготавливать сельскохозяйственные орудия, строить жилище и хозяйственные постройки, выделывать деревянную или глиняную посуду. Ремесленное производство в рассматриваемые эпохи тоже представляло собой единение всех процессов в создании вещей — от творческого замысла до изготовления и реализации продукции. В большинстве случаев ремесло не было направлено на удовлетворение производственных потребностей земледелия или скотоводства, а там, где оно было с ними связано, например в Индии, ремесленники получали натуральное общинное вознаграждение.

Даже в мелком товарном производстве эпохи капитализма сохраняется эта универсальность труда, основанная на единении работника с принадлежащими ему средствами производства. И лишь крупная машинная индустрия, по словам В. И. Ленина, «отделяет окончательно промышленность от земледелия»¹⁰.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 346.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 354.

¹⁰ Там же, стр. 547.

*
* *
*

Выяснение первостепенного значения в земледелии до распространения в нем машинного производства личного, или, используя термин К. Маркса, живого труда, дает возможность пристальнее рассмотреть, в какой мере земледельческие орудия труда могут нести этническую специфику. Здесь мы обращаем внимание на то, что огромная роль навыков в крестьянском труде по существу поднимает его на уровень искусства, придает особое значение передающейся из поколения в поколение традиции, которая при простоте земледельческих орудий труда имеет тенденцию охватывать весь этнос, ибо последний в докапиталистические эпохи и долгое время после них состоит в основном из крестьянства.

Рассмотрим подробнее эти вопросы. Потребительные стоимости, к которым относятся крестьянские земледельческие орудия труда, создаются качественно различными видами труда. Для того, чтобы возникли существенные отличия в орудиях обработки почвы, должны проявиться различия в условиях земледельческого труда, которые накладывают в каждой местности отпечаток особой производственной специализации. Эта специализация зависит от всей совокупности социальных отношений, культурных традиций и естественно-географической среды, т. е. всех тех условий, которые подчеркивают в своей статье Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков. Но при всем этом не следует забывать, что весь комплекс названных условий агроэтнография рассматривает в определенное историческое время — в эпоху докапиталистических формаций и в период последующего пережиточного существования мелкого крестьянского хозяйства. Именно этот вид хозяйства и обуславливает, по нашему мнению, существование этнической специфики в орудиях труда. Простота крестьянских земледельческих орудий такова, что различия в их конструкции не имеют решающего значения с точки зрения уровня развития этих орудий. Здесь лежит одна из главнейших причин того разнообразия орудий обработки земли (колов для рыхления почвы, мотыг, заступов, а также пахотных орудий), которое отмечается этнографами. Различные типы орудий часто встречаются у соседних народов, живущих в одних социально-экономических и природных условиях. Сохранение различных технических вариантов для выполнения простых операций земледельческого труда не противоречит тенденции рационального использования естественных законов, ибо в рамках познанных законов природы, даже на уровне эмпирического овладения ими, человек имеет возможности разных технических решений. Красноречивым фактом, показывающим слабую зависимость уровня развития докапиталистических обществ от типов земледельческих орудий, является достижение стадии классового общества индейцами Центральной Америки, применявшими в земледелии до прихода европейцев только каменные и деревянные орудия. Аналогичное явление мы наблюдаем на о. Фиджи у меланезийцев.

В статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова орудия земледельческого труда рассматриваются вместе с системами земледелия. Одним из исходных пунктов их рассуждений является установление различия между техникой земледелия, состоящей из совокупности орудий труда, трудовых приемов и навыков, и технологией земледелия. Технология понимается авторами как «последовательность использования орудий, приемов с целью заданного изменения свойств предметов труда»¹¹.

Заметим сразу, что технология земледелия в таком понимании не отличается по существу от техники земледелия, так как последняя включает не просто технические средства и трудовые приемы, но, естественно,

¹¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

и какую-то последовательность их применения. Недоумение еще больше увеличивается, когда мы узнаем, что «технология земледелия» в таком понимании и «система земледелия» суть одно и то же. Получается, что система земледелия — это всего лишь совокупность технических операций, где главным является технология почвообработки, которая зависит от конкретных географических и иных местных условий¹². На этом и основано убеждение этих авторов, будто средства труда определяются прежде всего естественными географическими условиями. Раздел их статьи о социально-экономических условиях при всем его интересе не направлен на вскрытие ведущей роли общественных факторов. Доказательством может служить хотя бы то, что вопросы классификации орудий рассмотрены ими под рубрикой «Естественные географические условия», что, впрочем, отвечает логике всей концепции авторов.

Технологические отношения представляют собой отношения человека к природе, его воздействие на природу с помощью средств труда. Эти отношения определяются «не самой сущностью процесса труда, а той исторически определенной общественной формой, в пределах и посредством которой осуществляется этот процесс труда»¹³. Технические же отношения, представляя собой лишь отношения вещей к вещам, возникают в момент труда и включаются как составная часть в технологические отношения. Технология организует технические средства, прежде всего орудия труда, заставляя их функционировать. В земледелии технология может развиваться, идти вперед при слабом изменении или застое орудий. Так, в древнем Риме латифундии пользовались по существу той же техникой, которая возникла еще в мелких свободных крестьянских хозяйствах. В раннем средневековье техника на завоеванных варварами римских землях не менялась, изменилось лишь ее использование: возросла плотность населения, и за плугом шел уже не раб, а свободный или полусвободный¹⁴.

В земледельческих культурах народов Юго-Восточной Азии мы можем наблюдать много случаев, когда одними и теми же плугами пахут на равнинных поливных, на равнинных суходольных и на горных террасных полях.

В земледелии технологическое отношение человека к природе выражается в системе земледелия. Удачный подход к более верному пониманию системы земледелия, чем просто суммы агротехнических мероприятий по поддержанию и повышению плодородия почвы, был сделан В. М. Суриновым, который, опираясь на труды Н. И. Вавилова, взял за основу два взаимодействующих фактора, характеризующих систему: численность населения и возделываемую площадь, необходимую для удовлетворения его потребностей¹⁵.

Традиционно исследователи систем земледелия подходили к ним почти исключительно с агротехнических позиций, часто с точки зрения того, как конкретная хозяйственная единица решает проблему поддержания плодородия почвы. Причем не обращалось внимания на то, что определенную систему земледелия в течение длительных промежутков времени практикуют большие массы населения, целые народы. В тех областях земного шара, где капиталистические отношения еще не проникли в земледелие или это проникновение еще слабо, как, например, в странах Юго-Восточной Азии, мы наблюдаем очень устойчивую связь систем земледелия с этносами. Стоит назвать вьетнамцев, малайцев или

¹² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82, прим. 4.

¹³ «Экономика труда», под ред. А. С. Кудрявцева, М., 1967, стр. 30.

¹⁴ Н. П. Грацианский, Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья, М., 1960, стр. 83.

¹⁵ В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, «Сов. этнография», 1971, № 3, стр. 51. Нужно сказать, что этот подход был обоснован уже Д. А. Прянишниковым, см.: Д. А. Прянишников, Избр. соч., т. 3, М., 1963, стр. 410.

бирманцев, которые занимаются исключительно орошаемым, пашеным земледелием, и многочисленные народы из группы горцев, которые занимаются подсечно-огневым земледелием.

Поэтому мы вправе сделать вывод, что определение системы земледелия просто как суммы агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и увеличение плодородия почвы, очень узко. Система земледелия — это прежде всего исторически сложившаяся система. В этом плане каждой из систем свойственны черты единообразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется, в частности, в сохранении консервативных, традиционных черт, иногда даже вопреки экологической целесообразности.

Существуя как историческое явление, прочно вплетаясь в ткань народной жизни, становясь традицией, система земледелия не отражает всего многообразия местных почвенно-климатических условий. Этого может достигнуть только современное научное земледелие, применяющее дифференцированные агротехнические приемы на каждом типе полей. В. Р. Вильямс аргументированно критиковал старые системы земледелия, в особенности трехполье, показывая, что эта система никогда не достигала полного восстановления плодородия всех используемых в хозяйстве земель¹⁶.

По-видимому, до самого появления научного земледелия все системы земледелия, будучи технологическим следствием конкретного уровня социально-экономического развития и определенной плотности населения при данных земельных ресурсах, не могут обеспечить бесконечности процесса восстановления плодородия почвы и переживают кризис вследствие возникновения новых общественных потребностей — появления технических культур, развития товарных отношений или роста населения. Выходы из таких кризисов в конкретных ситуациях могут быть разными, т. е. в конкретных ситуациях открывается путь развития разных систем земледелия.

Принятая в нашей литературе классификация систем земледелия (обычно называют подсечно-огневую, залежную, паровую и плодосменную) построена по существу только на восточноевропейском материале и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе. В других местах земного шара обнаруживается большое многообразие систем земледелия и свои закономерности их развития. Упомянем, например, о глубокой древности ручьевого орошения в горных районах у ранних земледельцев¹⁷ или хотя бы о тенденции развития от пашенного земледелия к ручной огородной культуре в Китае и Японии. Подсечно-огневое земледелие у горцев Гималаев, Индокитая или у народов Амазонии носит совсем другой характер, чем подсечно-огневое земледелие в недалеком прошлом на русском Севере. Распространение систем земледелия, например в Индонезии, обнаруживает корреляции с мигрировавшими народами. Это объясняет существование там в некоторых местах систем земледелия, для которых нет в ряде случаев экологически благоприятных для них условий (домашние сады-огороды, приуроченные к влажным тропическим районам, в редких случаях встречаются в засушливой зоне страны)¹⁸. При всем внимании к географическим и этническим разновидностям систем земледелия мы не должны упускать из виду особую их роль в классовом обществе. Сошлемся здесь на горцев Памира, у которых в прошлом постоянные поля орошались арыками и унавожива-

¹⁶ В. Р. Вильямс, Земледелие, «Сельскохозяйственная энциклопедия», т. 2, М., 1951, стр. 119.

¹⁷ Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969, стр. 44.

¹⁸ G. J. A. Terra, Some sociological aspects of agriculture in South East Asia, «Indonesië», 1953, 6 Jg., № 4, p. 301.

лись, но только у богачей, имевших много земли, поля часто оставались под паром¹⁹.

Эти краткие примеры показывают необходимость территориального ограничения выделяемых систем земледелия, которых должно быть больше, чем это традиционно предлагается. К такому выводу мы приходим при учете исторических традиций земледелия, его географического разнообразия, демографических факторов и, самое главное, социальных условий. Все эти соображения заставляют этнографа как можно внимательнее отнестись к соотношениям между системами земледелия и этническими общностями.

* * *

Как мы стремились показать, в земледельческом производстве вплоть до эпохи применения машин и научных методов простые земледельческие орудия играют подчиненную роль во всей системе земледельческой культуры, в которой главное звено, как уже отмечалось, представляет работник и его навыки, т. е. искусство земледельца. Здесь заложена предпосылка появления большой варибельности земледельческих орудий и закрепления их типов этнической традицией. Почему же крестьянские орудия труда, изготавливаемые самостоятельно по существу в каждом хозяйстве, образуют единство формы на определенной территории, очень часто совпадающей с этнической территорией? Почему такая традиция охватывает значительную общность людей, прямо не связанных в своем производстве? Мы думаем, что это объясняется характером докапиталистических производственных коллективов, которые, согласно приведенному выше высказыванию К. Маркса, будучи уже носителями этнических черт, выступали предпосылкой труда, давая право пользования землей. В более поздние эпохи этническая специфика в орудиях труда сохраняется как устойчивая традиция, поддерживаемая застойным характером мелконатурального и мелкотоварного укладов. Но эта самая общая, исходная, «естественная» предпосылка не вскрывает еще всей картины. Здесь мы должны коснуться проблемы функционирования культуры в этнических коллективах.

В истории человечества, по данным археологов, была такая эпоха, когда в пределах огромных районов среди неолитического населения существовало этническое единство, породившее единообразие производственного инвентаря. Речь идет здесь о хозяйственно-культурных областях неземледельческого неолита, выделяемых А. П. Окладниковым²⁰.

С возникновением земледелия и скотоводства на исторической арене появляется новый важный фактор — неравномерность социально-исторического и культурного развития общества, что, на наш взгляд, дало толчок образованию хозяйственно-культурных типов. С этого периода усиливается взаимодействие между обществами, расселенными в разных естественно-географических условиях, что, с одной стороны, еще больше усилило производственную специализацию, а с другой — способствовало материальному и идейному обмену. Все это делает обычным правилом контакты между обществами, различающимися по языку и культуре. Оба эти фактора — язык и культура — в условиях контактов приобретают новую функцию, а именно знаковую. Эта сторона явления — этнознаковая функция — касается и основных производственных явлений, таких, как состав сельскохозяйственных культур и тип земледельческих

¹⁹ А. А. Бобринский, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908, стр. 81; И. Мухидинов, Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в., Автореферат канд. дис., М., 1971.

²⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), № 18, 1950; ч. 3, МИА, № 43, 1955.

орудий. Этническая специфика в вопросах возделывания тех или иных растений была рассмотрена в совместной статье автора с Н. Н. Чебоксаровым²¹.

Появление этнически значащей функции у предметов материальной культуры (орудий труда, жилищ, одежды и т. д.) выступает лишь как часть общей картины — распространения социально-различительных марок во всей сфере культуры. Последнее возникает после первого крупного общественного разделения труда и формирования хозяйственно-культурных типов. Само существование знаковой функции (марки) стало возможным на последнем этапе первобытнообщинного строя с ростом прибавочного продукта и возникшего на его основе натурального обмена. Можно сказать, что у ранних этнических общностей знаковую функцию носила та потребительная стоимость, которая создавалась как прибавочный продукт. Первоначальные этнические связи — неперемное условие развития этнического самосознания — оформлялись знаками (марками), разделяющими «своих» и «чужих»²².

В докапиталистические эпохи, когда преобладало производство потребительных стоимостей в условиях единения работника и средств труда, элементы культуры несли на себе, с одной стороны, личную марку, как клеймо ремесленника на каждом камне средневековой постройки, а с другой — марку этнически специфическую. Только с развитием безличных товарных связей при капитализме эта личная и этническая маркированность имеет тенденцию к исчезновению, хотя еще долго поддерживается мелконатуральным и мелкотоварным укладами. О появлении у даяков Калимантана (Борнео) социально значащей марки по отношению к разным приемам рубки топором писал еще Г. В. Плеханов: у даяков в начальный период европейского проникновения те, кто пользовались европейскими орудиями, подвергались общественному осуждению. Этот пример у Г. В. Плеханова иллюстрирует его мысль, что культурные символы всегда отражают реальное социально-экономическое содержание²³.

Этнознаковая функция предметов материальной культуры вовсе не является их внутренним свойством. Она проявляется в контактах между этносами. Поэтому элемент материальной культуры может выражать этническую специфику в одном случае и не иметь ее в другом. Например, соха имеет этническую марку там, где общаются русские с татарами, пользующимися плугом-сабаном, и не имеет такой марки в контактной зоне русских и литовцев, которые тоже пахут сохой. Равным образом ношение юбки у мужчин отличает шотландцев от англичан, но не отличает первых от греков и албанцев, где ношение юбки также было у мужчин. Этнические признаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они становятся общественно значимыми, т. е. отличающими одну этническую общность от другой. Такое понимание этнической специфики предметов материальной культуры ничуть не затрагивает социально-экономической и естественно-географической обусловленности их существования.

Этническая характеристика предметов материальной культуры, представляемая как их этнознаковая функция, с полным правом может распространяться и на такую область культуры, как земледельческие

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина), «Сов. этнография», 1970, № 6.

²² Подробнее о роли этнического разделения «своих» и «чужих» см.: Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», сб. «Расы и народы», М., 1971; Я. В. Чеснов, Ранние формы этнонимов и этническое самосознание, сб. «Этнография имен», М., 1971.

²³ Г. В. Плеханов, О материалистическом понимании истории, «Избранные философские произведения», М., 1956, т. 2, стр. 259, 261, 262.

орудия труда, которые, несомненно, связаны теснейшим образом с естественно-географическими условиями. По-видимому, этническую соотнесенность систем земледелия мы также должны рассматривать не как имманентное свойство последних, а иначе — с позиций исторически развившихся этнознаковых функций.

Огромный материал об этнической специфике в земледелии накоплен в конкретных дореволюционных советских и зарубежных исследованиях. Говоря словами Н. И. Вавилова, «культура полей неотделима от общей культуры народа»²⁴. Следует особо отметить, что этнознаковая функция, распространяющаяся на всю земледельческую культуру, могла возникнуть при отмеченной выше специфике личного труда на том этапе земледелия, когда стало ощутимо появление прибавочного продукта. Вовлечение его в регулярный обмен положило начало формированию не только хозяйственно-культурных типов, но также консолидированным этническим общностям. По существу меновое отчуждение прибавочного продукта, выступавшего как конкретная потребительная стоимость, дало толчок развитию этнознаковой функции у отдельных черт культуры. Этнические признаки в материальной культуре исторически появились как результат углубления разделения труда. Отдельные земледельческие орудия и даже целые земледельческие культуры получают исторически устойчивую специализацию, позволяющую полнее использовать естественно-географическую среду. Не случайно, что при отсутствии значительного разделения труда между локальными группами австралийцев у них очень редко встречаются специализированные орудия. Исследователи часто отмечают удивительную однородность культуры австралийцев, несмотря на разнородность природных условий в Австралии. Австралийцы, на наш взгляд, еще не переступили порог формирования хозяйственно-культурных типов и, как следствие, не дошли до компактных этнических общностей. Появление в широких масштабах прибавочного продукта у земледельцев нарушило существовавшее до этого культурное единообразие на значительных территориях. С распространением возделывания культурных растений складываются особые земледельческие культуры у разных народов, которые с развитием социально-экономических отношений, динамикой факторов народонаселения и характером земельных ресурсов в каждом конкретном случае породили свои пути развертывания систем земледелия.

Таким образом, обращение к характеристике производственного процесса докапиталистических эпох, когда, по словам К. Маркса, «...само орудие еще настолько сращено с самим живым трудом, ... что по-настоящему оно еще не втянуто в обращение»²⁵, и к характеристике В. И. Лениным мелконатурального и мелкотоварного крестьянских укладов позволяет выявить ведущие общественные факторы появления этнической специфики в предметах материальной культуры и прежде всего в орудиях труда. Настоящая статья затрагивает лишь некоторые наиболее важные теоретические аспекты этнической специфики в агроэтнографии и имеет целью показать, насколько важно при исследовании такой проблематики обращение к учению о социально-экономических укладах. Учет этнографом этих общественных категорий позволит глубже рассмотреть ряд этнографических проблем: во-первых, выяснить, в какой мере технологически детерминированы те или иные земледельческие орудия и какова их этническая специфика; во-вторых, раскрыть механизм передачи производственных навыков и роль в этом плане этнической традиции; в-третьих, дает возможность проследить различные формы трудовой организации и рассмотреть с этой стороны явления агроэтнографии, могущие нести этническую специфику, т. е. рассмотреть эту

²⁴ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. II, М.—Л., 1960, стр. 176.

²⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 41.

специфику сквозь призму семейных и общинных отношений; в-четвертых подход с позиции социально-экономических укладов способствует постановке и решению кардинальных вопросов, связанных с условиями возникновения и существования этнических общностей.

SOCIAL-ECONOMIC STRUCTURES AND ETHNIC TRADITIONS IN AGROETHNOGRAPHY

The category of «social-economic structure» (*«uklad»*) was brought forward by V. I. Lenin. The article devotes particular attention to structures based upon subsistence economy and upon small-scale commodity production, where the producers are themselves owners of simple labour implements. These implements presuppose a high degree of skill in the workers who use them. The author stresses two points: 1) the simplicity of agricultural implements permits a certain variability in their construction; 2) the personal character of labour in agriculture demands the transmission of age-long experience in production from generation to generation. The interrelation of these elements serves as a social-economic precondition for historically evolving ethnic traditions in agriculture. The author approaches agricultural systems from the same standpoint showing that they are not to be reduced to a sum of agrotechnical measures for maintaining soil fertility; it is only with regard to a single field that this holds true. Systems, which existed prior to scientific agriculture, represented historically evolved methods of economy, which, besides the factor of natural environment, were conditioned by the level of socio-economic development, population density and ethnic traditions. Consequently each system of agriculture was usually represented by a concrete agricultural culture.